

Глава 21

Ты стал небожителем, а я не останусь ради тебя в мире смертных

Под торжественные поздравления они вошли в опочивальню, утопающую в алом шелке — впервые за миллионы лет холодный, точно ледяная пустыня, чертог Куньлуня преобразился под натиском столь жарких красок.

Когда слуги удалились, Цзинь Яо бережно опустил Чао Цы на край постели. Сам он остался стоять перед юношей и, склонившись, осторожно обхватил его лодыжку.

— Больно? — спросил он. И хотя его голос сохранял привычную прохладу, в нём отчетливо слышалась забота.

Двух дней отдыха для Чао Цы оказалось слишком мало, а его нынешнее тело и вовсе не было приспособлено к долгим прогулкам. Всё то время, что они провели в главном зале, юноша держался лишь благодаря незримой поддержке Цзинь Яо.

Чао Цы опустил взгляд на свои ноги и безучастно ответил:

— Всё в порядке.

В нём больше не было прежней искры жизни. С Цзинь Яо он общался холодно и отстраненно, лишь формально соблюдая приличия. Даже начальный гнев угас: казалось, он смирился со своей участью и перестал сопротивляться, но вместе с тем окончательно утратил всякий интерес к происходящему.

Цзинь Яо долго смотрел на него в молчании. Наконец он склонился ниже и запечатлел поцелуй на веках Чао Цы.

— Ты ненавидишь меня? — негромко спросил бог.

Чао Цы не ответил.

Лишь спустя долгое время он заговорил сам:

— После того как я ушел... что там произошло? С моим братом всё хорошо?

На самом деле он хотел спросить и о судьбе Цяо Пэя, но понимал, что не может произнести это имя в присутствии этого человека — тот всё равно не удостоил бы его ответом.

Юноша терзался мыслями о Чао Цзюэ: брат всегда отличался слабым здоровьем, и весть о возможной смерти Чао Цы могла стать для него роковым ударом. Беспокоился он и о Цяо Пэе. У них должна была состояться свадьба, и внезапное похищение невесты наверняка повергло императора в отчаяние. К тому же их брак был заключен вопреки воле многих сановников, и исчезновение императорского супруга в день торжества могло вызвать невообразимый хаос при дворе.

Заметив, что Чао Цы уклонился от прямого ответа на вопрос, Цзинь Яо помрачнел, но всё же ответил:

— С ним всё в порядке.

— Я оставил письмо в поместье Чао, в котором сообщил, что это я забрал тебя. Сейчас твой брат разослал множество людей по всему государству Е и соседним странам на твои поиски.

Конечно, за всеми этими поисками стоял Цяо Пэй, но Цзинь Яо не стал упоминать об этом человеке. Увидев, как при известии о безопасности Чао Цзюэ глаза юноши на мгновение просветлели, бог невольно смягчился.

Он ласково коснулся мягких волос Чао Цы и произнес:

— Если хочешь, я могу отправить посланника в мир смертных. В будущем ты сможешь переписываться с братом.

Внешне Чао Цы изобразил радость, но в душе его кипело негодование.

«Настоящий мерзавец. Сначала похитил и запер, а теперь преподносит возможность написать письмо родным как величайшую милость»

— А я могу вернуться и навестить его? — осторожно спросил Чао Цы.

Цзинь Яо не ответил сразу. Глядя в полные надежды глаза юноши, он всё же проронил:

— Посмотрим на твоё поведение.

Время в чертогах Куньлуня тянулось неразличимой массой — в одно мгновение пролетело пять лет.

Минуты казались вечностью, каждый день был полон тоски, но, оглянувшись назад, юноша

осознал, как стремительно пронеслось это время. Бесконечные, туманные периоды течи, безрадостная жизнь в стенах небесного дворца.

И ему предстояло провести здесь еще бесчисленное множество таких пятилетий: века, тысячелетия, эпохи...

Порой Чао Цы просто запрещал себе думать об этом.

Единственным, чего он ждал с нетерпением, были ежемесячные письма из дома. Узнав, что младший брат был забран Цзинь Яо в Царство богов, Чао Цзюэ пришел в неопишемую ярость, но понимал, что его гнев бессилён. Эти письма стали их последней связью.

Он был в ярости и тревоге, но не хотел отягощать этим Чао Цы, поэтому описывал лишь радостные события. Юноша отвечал тем же. Так они оба старались поддерживать видимость благополучия, надеясь хоть немного утешить друг друга.

Два года назад в одном из кланов Царства богов произошло некое важное событие, и Цзинь Яо был вынужден покинуть Куньлунь. Чао Цы решил воспользоваться этой возможностью, чтобы бежать. К тому времени благодаря его притворному послушанию бог заметно ослабил надзор.

Многие слуги в чертогах Куньлуна сочувствовали Чао Цы, но никто не смел ему помогать: если бы Его Превосходительство узнал об этом, их ждала бы неминуемая смерть. К тому же, куда мог сбежать пленник? Разве было в мире место, способное скрыть его от взора верховного бога?

Чао Цы не хотел подставлять других. Дождавшись ухода Цзинь Яо, он отправился в те вольеры, где содержались божественные звери. Отыскав златокрылого Пэна, он вскрыл себе вены и напоил птицу своей кровью.

Драконы-самки были лишены боевой мощи, их тела были слабее, чем у обычных смертных, а периоды течи делали их существование вечной зависимостью. Казалось, эта раса создана лишь для того, чтобы быть придатком к самцам.

Однако мало кто знал, что кровь самки дракона обладает свойством на краткое время подчинять себе волю живых существ.

Оседлав огромную птицу, он покинул Куньлунь. Он не знал, куда лететь, и не смел возвращаться в мир смертных, чтобы не навлекать беду на брата и Цяо Пэя. У него была лишь одна цель — убраться как можно дальше.

День за днем он летел на спине Пэна. Стоило зверю проявить признаки неповиновения, как юноша снова надрезал запястья, подпитывая его своей кровью. Окружающие пейзажи казались застывшими, лишенными звуков; в ушах стоял лишь едва уловимый гул, похожий на

предсмертный звон. Подобное одиночество могло свести с ума любого, но Чао Цы готов был терпеть что угодно, лишь бы не возвращаться.

Иногда, глядя вниз на проплывающую далеко внизу бездну, он думал о том, чтобы просто спрыгнуть. Смерть казалась избавлением.

Но потом он вспоминал слова этого человека:

«Даже если ты умрешь, я спущусь в Царство мертвых и верну твою душу»

После этого даже мысль о смерти теряла всякий смысл.

Он продолжал бесцельно лететь в одном направлении, пока в лучах одного из рассветов не увидел впереди знакомый силуэт в белоснежных одеждах, парящий прямо в небесах.

Всё-таки... неудача.

В тот миг Чао Цы не мог даже описать свои чувства. Сердце его болезненно сжалось, словно из него в одно мгновение выкачали всю надежду. Впрочем, если рассудить здраво, его шансы на побег изначально были ничтожно малы.

Огромный Пэн, чьи крылья достигали десяти чжанов в размахе, был мгновенно рассечен лезвием надвое. Золотая кровь брызнула фонтаном, и части тела замертво рухнули в бездну.

В ту же секунду Чао Цы оказался в объятиях мужчины.

На его лицо попало несколько капель горячей золотой крови.

После того случая, как бы он ни притворялся послушным и покорным, бог больше не ослаблял контроля.

Пять лет спустя в Царстве богов снова начались беспорядки.

Цзинь Яо вновь покинул Куньлунь, но на этот раз у Чао Цы не было ни малейшего шанса на побег: его руки и ноги были скованы тяжелыми цепями, а на его духовное сознание наложен мощный запрет.

Во время прошлого побега слуги чертога Куньлуня хоть и не помогали ему, но и не препятствовали его уходу. По мольбам юноши бог не стал их казнить, но все они были изгнаны. Новые слуги, боясь навлечь на себя гнев господина, не сводили с пленника глаз.

Однако, опасаясь, что тот совсем зачахнет от скуки, владыка позволил слугам разговаривать с ним. От них Чао Цы узнал, что нынешние беспорядки — это последствия прошлых бедствий в Царстве демонов.

Или, точнее сказать, падение Царства демонов в прошлый раз было лишь частью хитроумного заговора самих обитателей этого мрачного края.

<http://bllate.org/book/15361/1372912>